

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ГУСИНАЯ ЛЯГА-1

В настоящее время на территории Северной Кулунды насчитывается свыше 200 археологических памятников. Большинство из них представлены курганными могильниками. Довольно часто встречаются и поселения, которые благодаря работам Ю.Ф. Кирюшина, А.П. Уманского, В.С. Удодова, Д.В. Папина, А.С. Федорука и других исследователей изучены относительно хорошо. Однако данные комплексы относятся к андроновской, саргаринско-алексеевской культурам и памятникам так называемого бурлинского типа. В связи с этим материалы ирменского поселения Гусиная Ляга-1 представляют определенную важность для реконструкции культурно-исторических процессов, протекавших на территории юга Западной Сибири в период поздней бронзы. Основу поселения составляет керамический материал, который в культурном плане делится на несколько групп. Первую группу демонстрирует посуда ирменского типа. Вторая представлена саргаринско-алексеевской керамикой. По ряду декоративных признаков она весьма близка к поздним (донгальским) материалам Казахстана. Третью немногочисленную группу составляют бегазы-дандыбаевские емкости. В четвертую группу входит станковая керамика. Нахождение всех четырех групп керамики в заполнении и на дне жилища свидетельствует об их одновременности. Вряд ли эти комплексы сформировались ранее IX в. до н.э. Позднюю дату подтверждает прежде всего керамический материал. Обнаруженная посуда имеет позднеирменский облик. В настоящее время позднеирменские памятники датируются VIII–VI вв. до н.э., саргаринско-алексеевская посуда также характерна для позднего (донгальского) этапа данной культуры, датируемого VIII – началом VII в. до н.э.

Ключевые слова: Кулундинская степь, поселение, жилище, культурно-исторические контакты, керамика, ирменская культура, датировка, хронология, инвентарь.

DOI: 10.14258/tpai(2017)1(17).-04

Введение

Поселение Гусиная Ляга-1 расположено в Хабарском районе Алтайского края, в 5,5 км к северо-востоку от с. Хабары, неподалеку от болота Гусиная Ляга, на округлой возвышенности высотой 3–4 м. Этот археологический памятник открыт в 1994 г. одним из авторов статьи и исследовался в период с 1999 по 2003 г. Задача данной публикации заключается в представлении полученных результатов.

В ходе раскопок были частично вскрыты остатки жилища полуземляночного типа с каркасно-столбовой основой и коридорообразным выходом в западной части (рис. 1). Его длина составляет приблизительно 4 м, ширина – 1,6 м. Внутри зафиксированы ямки от столбов, на которые опиралась кровля входа. Исследованная часть жилища представляет собой полуземлянку каркасно-столбовой конструкции прямоугольной формы шириной 22–23 м. Длина вскрытой части составляет около 22 м. По периметру и в центре сооружения сохранились столбовые ямки, оставшиеся от несущей конструкции. В центральной части объекта зафиксирован колодец, содержащий в небольшом количестве кости животных, ирменскую и станковую керамику. Колодец из-за уровня грунтовых вод удалось исследовать лишь на глубину 2 м от уровня пола жилища. В южной части объекта зафиксирован коридорообразный переход в жилище №2. По всей вероятности, конструкция жилища весьма близка к сооружениям саргаринско-алексеевской культуры [Ситников, 2015, с. 114, с. 236, рис. 90].

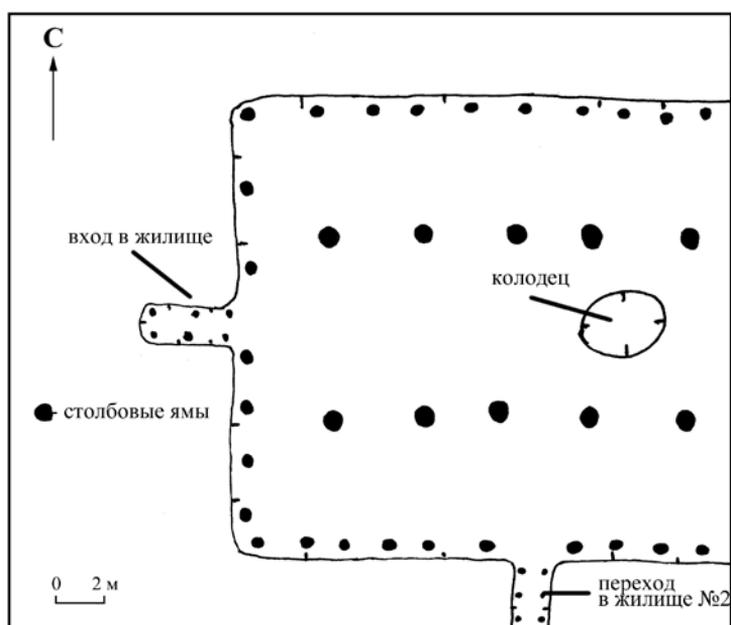

Рис. 1. Гусиная Ляга-1. Схема исследованной части жилища №1

Материалы и их обсуждение

Основную часть находок представляет остеологический материал. В общей сложности зафиксированы 10828 единиц, среди которых определимыми являются 3111 (28,73% от общего количества найденных костей) (результаты приводятся по материалам раскопок 1999–2001 гг.)*.

Основу определимого комплекса составляют останки домашних животных 2934/109 (94,31/79,56%)**. Подробные данные приведены в таблице. Доля костей диких зверей значительно меньше 117/28 (5,69/20,44%). Среди них зафиксированы кости типичных представителей фауны Северной Кулунды (лось, косуля, кабан, медведь, барсук, куница, заяц, тушканчик, бобр). Кроме того, в культурном слое обнаружены кости птиц и рыб.

Количественное и процентное соотношение домашних животных

Вид	Кол-во костей	Мин. кол-во особей	Кол-во костей	Мин. кол-во особей
КРС	531	27	18,10%	24,77%
МРС	299	23	10,19%	21,10%
Лошадь	2 085	56	71,06%	51,38%
Собака	19	3	0,65%	2,75%
ИТОГО	2 934	109	100%	100%

Как видно из таблицы, основная доля домашних животных приходится на лошадь. Второе место в составе стада примерно в равных долях занимают мелкий рогатый скот (МРС) и крупный рогатый скот (КРС). В незначительном количестве фиксируются останки собаки.

* Все остеологические определения выполнены кандидатом биологических наук П.А. Косинцевым.

** Здесь и далее в числителе дается общее количество костей, а в знаменателе – минимальное количество особей.

Преобладание лошади в составе стада, на наш взгляд, следует объяснять, возможно, возникновением предпосылок в период финальной бронзы к переходу к кочевому скотоводству. Общеизвестным считается факт, что для кочевников характерно довольно высокое количественное содержание лошадей, поскольку они дают средства к существованию при наименьших затратах. В целом, рассматривая динамику изменения видового состава домашних животных от развитой бронзы к раннему железному веку, можно заметить постепенное увеличение доли лошади и сокращение поголовья крупного рогатого скота [Ситников, 2015, с. 91].

Основная часть из всего найденного керамического материала (рис. 2–6) относится к ирменской посуде (рис. 2.-1, 6, 9–16; 4.-2, 3, 4, 7, 10, 12, 13; 5.-1–5, 9–12, 14, 15; 6; 7.-3).

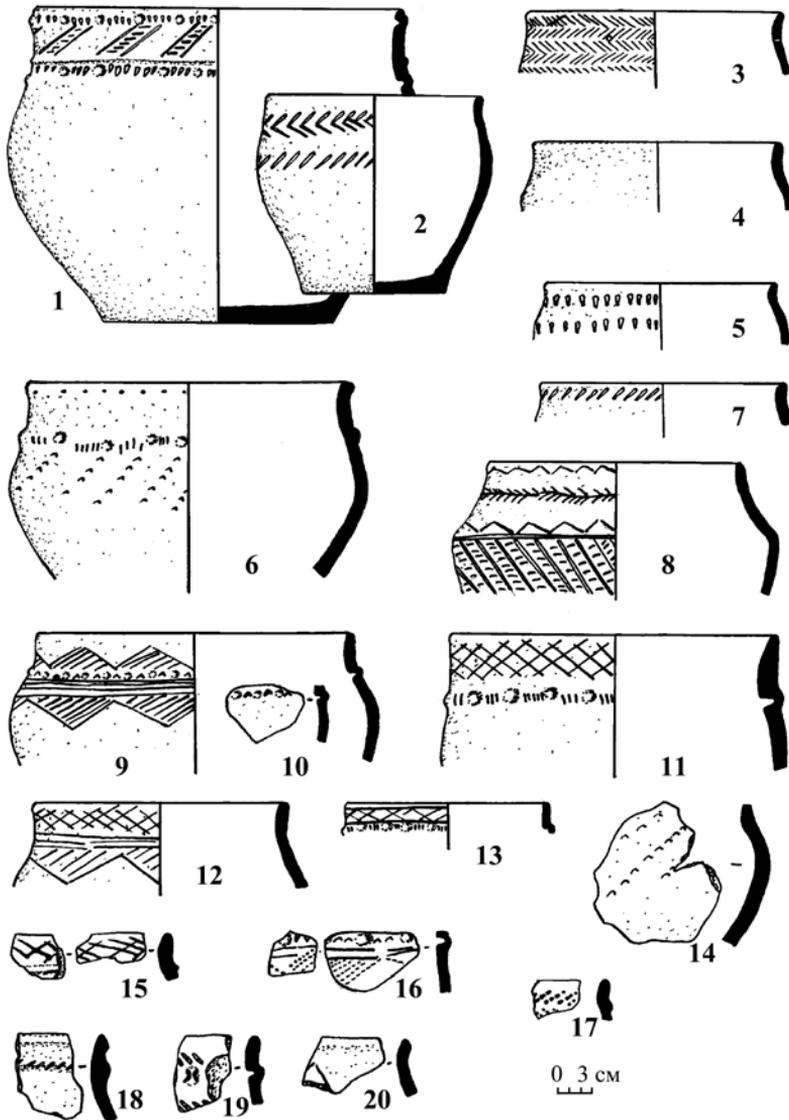

Рис. 2. Керамика с поселения Гусиная Ляга-1 (по: [Ситников, 2015, рис. 8])

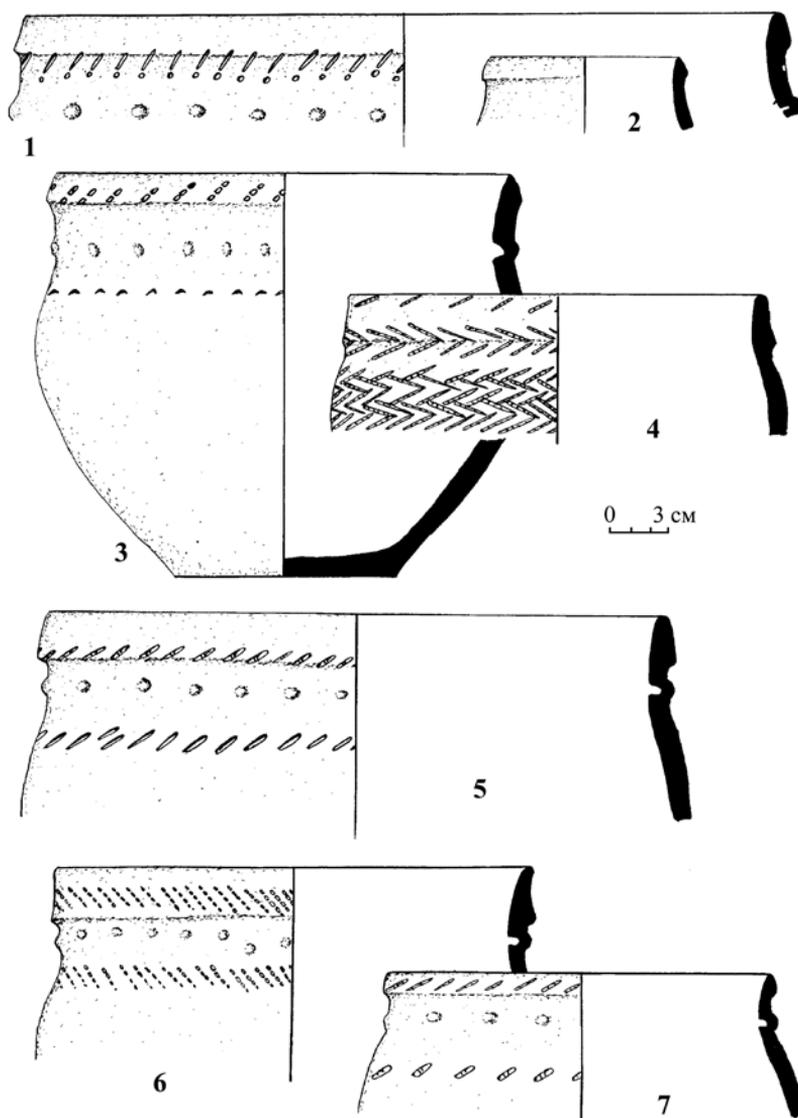

Рис. 3. Керамика с поселения Гусиная Ляга-1 (по: [Ситников, 2015, рис. 9])

В небольшом количестве на поселении встречена станковая (рис. 3.-18), бегазы-дандыбаевская (рис. 5.-19-21) и саргаринско-алексеевская (рис. 2.-2-7, 17-20; 4.-1, 6; 5.-6-8, 13, 15) керамика. Нахождение всех четырех групп в заполнении и на дне жилища свидетельствует об их единовременности.

Из инвентаря на поселении были найдены бронзовое, четырехгранное в сечении шило (рис. 7.-11) и обломок еще одного, два костяных скребка для выделки кожи из нижних челюстей животных, обломок каменного отбойника и два каменных ложила для обработки металлических изделий из небольших галек, бронзовый нож (рис. 7.-10), два костяных наконечника стрел (рис. 7.-8, 9), костяной псалий (рис. 7.-5-6) и костяная пластина (рис. 7.-7).

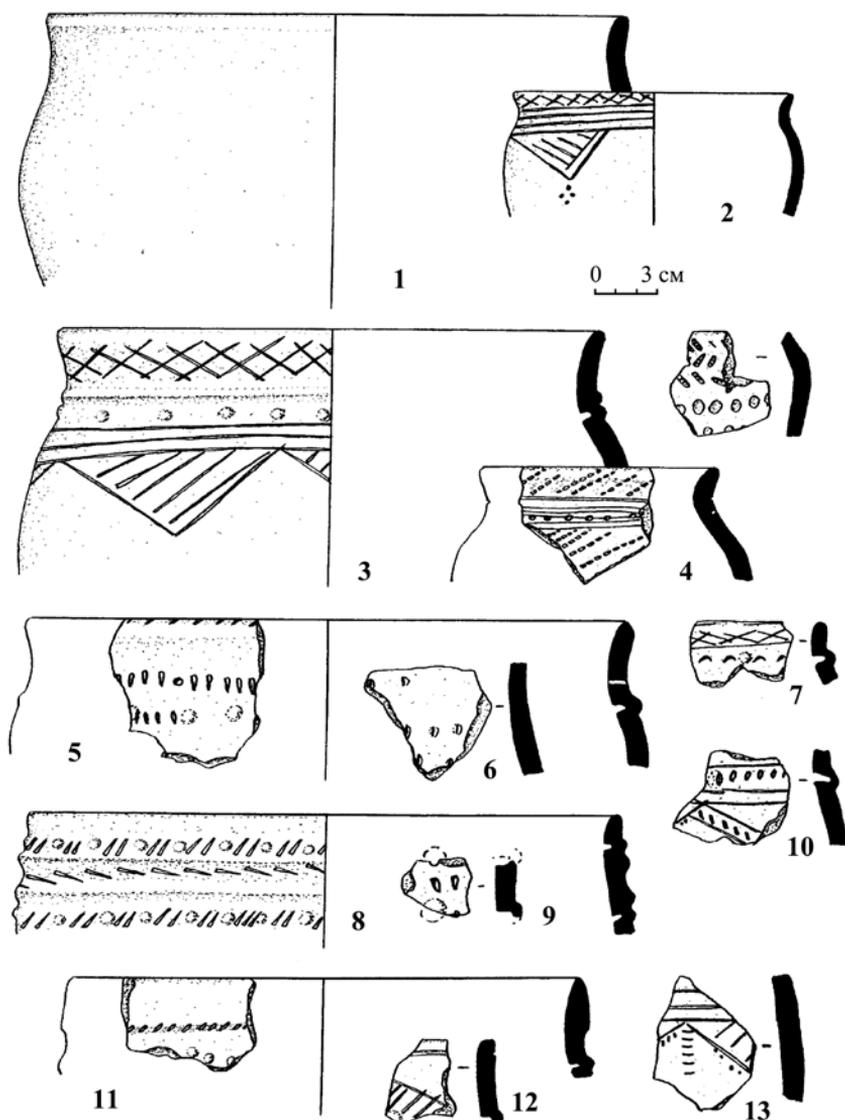

Рис. 4. Керамика с поселения Гусиная Ляга-1 (по: [Ситников, 2015, рис. 11])

Во время раскопок каких-либо хорошо датирующихся предметов нами не найдено. Костяной и бронзовый инвентарь имел широкий хронологический диапазон бытования. Каменные ложила из небольших галек характерны для памятников поздней бронзы степной полосы Казахстана и Алтая.

Черешковые наконечники с ромбическим сечением пера в верхней части по форме сближаются с изделиями VIII–VII вв. до н.э. [Хабдулина, 1993, с. 39–40], что, вероятно, маркирует верхнюю границу бытования изделий данного типа. В дальнейшем близкие по форме наконечники существовали в скифо-сакское и «гунно-сарматское» время [Алехин, Гельмель, 1991, с. 95; Могильников, 1992, с. 472, табл. 122.-13; Злобин, 1993, с. 29]. Некоторая схожесть фиксируется с наконечниками стрел из могильника

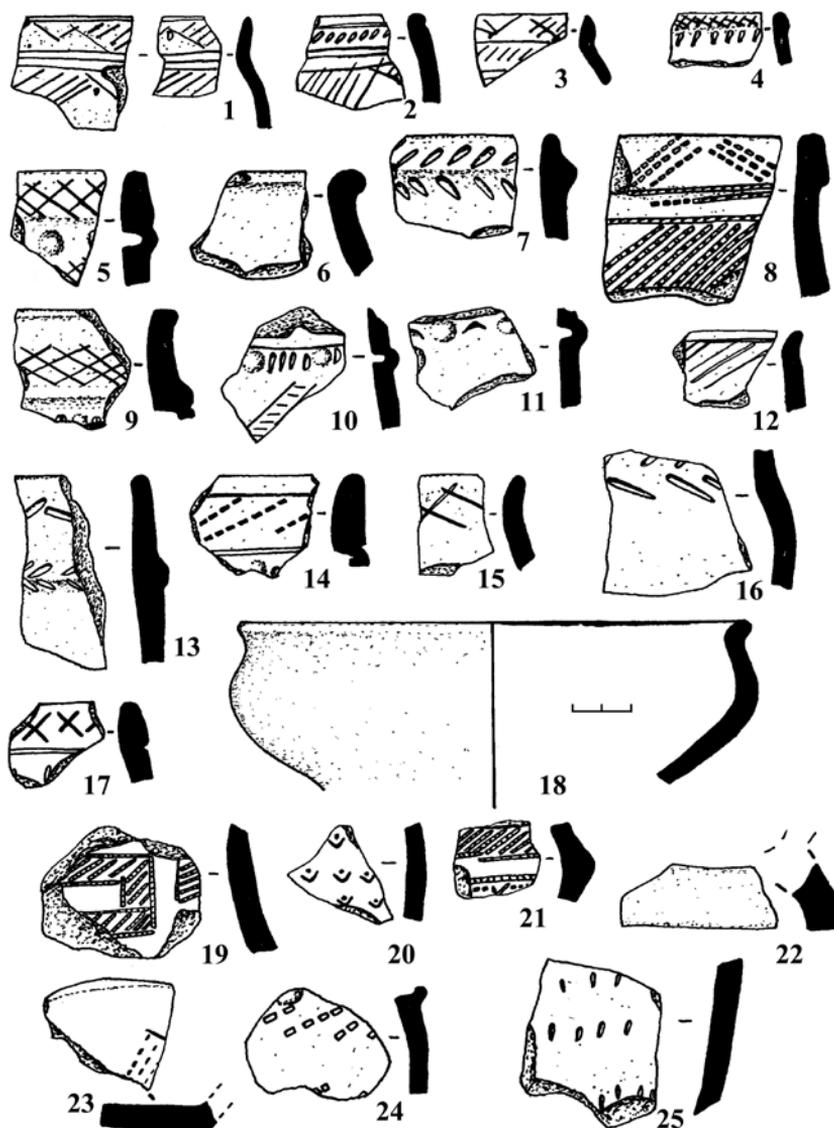

Рис. 5. Керамика с поселения Гусиная Ляга-1 (по: [Ситников, 2015, рис. 12])

Протока, расположенного в Кыштовском районе Новосибирской области [Полосьмак, 1989, с. 138, рис. 2.-6, 7, 8, с. 139, рис. 3.-1]. Они относятся к раннему железному веку [Полосьмак, 1989, с. 132–134]. Необходимо отметить, что черешковые наконечники с могильника Протока, несмотря на некоторую схожесть, отличаются меньшими размерами, что, очевидно, свидетельствует о хронологических тенденциях в эволюции изделий данного типа. Близкие предметы обнаружены на поселении Мыржик в Центральном Казахстане [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 62, рис. 33.-3–7].

Имеющиеся у нас экземпляры довольно близки к наконечнику с поселения Пахомовская Пристань-1 [Евдокимов, Корочкова, 1991, с. 51, рис. 4.-1], датирующего последней четвертью II тыс. до н.э. Близкие по форме наконечники обнаружены

на ирменском поселении Ельцовское-2 в Новосибирской области [Новикова, 1997, с. 130, рис. 1.-8–10].

Верхняя хронологическая граница данных наконечников нами предварительно определяется концом периода поздней бронзы – временем широкого использования и утилизации костного сырья*. В качестве прообраза изделий данного типа можно привести наконечники из андроновских могильников Амангельды [Зданович, 1988, с. 69, рис. 28.-3–6, 15], Семипалатное [Зданович, 1988, с. 101, рис. 41.-7–15], Солнце-2 [Епимахов, 1996, с. 39, рис. 12.-10, 11], относящихся к алакульской культуре [Зданович, 1988, с. 142].

Костяной псалий представлен изделием стержневидной формы с округлыми утолщениями типа головок на концах и расширением в средней части (рис. 7.-5). Первоначально предмет имел два дополнительных отверстия на концах (рис. 7.-6). Заготовка для подобного изделия происходит с городища Чича-1 [Молодин, 1985, с. 168, рис. 86.-14; Бородавский, 1997, с. 207, табл. 46.-3]. Почти аналогичный псалий, имеющий маленькие круглые отверстия, пересекающие большие подовальные, встречен на поселении Язево-1 [Потемкина, 1985, с. 64, рис. 17.-1] и датируется Т.М. Потемкиной XII–X вв. до н.э. [Потемкина, 1985, с. 289]. Довольно близкое изделие было обнаружено на поселении Мыржик в Центральном Казахстане [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 185, рис. 145.-5]. По форме стержня и расположению отверстий он близок к псалиям V типа, выделенного К.Ф. Смирновым [1961а, с. 66–68, рис. 12.-1, 2].

На наш взгляд, аналогичные псалии можно отнести к X–VIII (VII?) вв. до н.э., хотя до конца нельзя исключать и более ранний период их существования. Предложенную датировку подтверждает нахождение псалия на дне жилища №1 поселения Гусиная Ляга-1 совместно с керамикой позднеирменского облика и заготовки для аналогичного изделия на городище переходного времени от бронзы к железу Чича-1, датирующегося В.И. Молодиным по ножу с аркой на кронштейне VIII–VII или VII–VI вв. до н.э. [Молодин, 1985, с. 173; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014].

Более перспективным, по нашему мнению, является привлечение керамики для датировки памятника. Прежде всего, керамический комплекс поселения характеризуется сосуществованием, по крайней мере, четырех культурных групп: бегазы-дандыбаевской, станковой типа Намазга-VI, саргаринско-алексеевской и ирменской.

Большинство исследователей памятника бегазы-дандыбаевской культуры датируют X–VIII вв. до н.э. [Маргулан, 1979, с. 61–153; Варфоломеев, 1987, с. 66], IX–VII вв. до н.э. [Ермолаева, 1987, с. 94]. В.С. Удодов [1994, с. 11–13] на материалах поселений Бурла-3 и Кайгородка-3 выделил бурлинский тип памятников (XIII – XI–X вв. до н.э.), который характеризуется сочетанием бегазы-дандыбаевской и станковой

Рис. 6. Гусиная Ляга-1. Позднеирменская керамика на дне жилища №1 (фотоснимок сделан С.М. Ситниковым)

* Возможно, данные изделия бытовали и в более широком хронологическом промежутке.

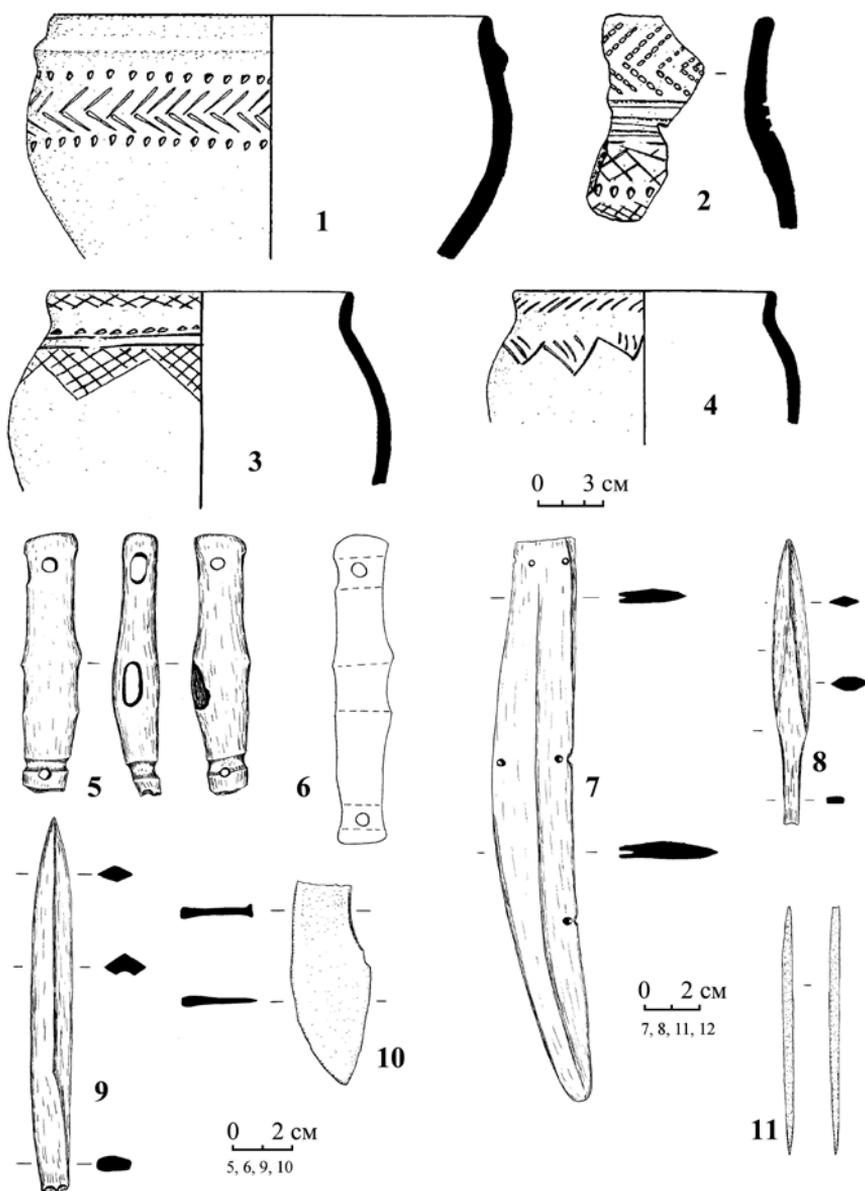

Рис. 7. Гусиная Ляга-1. Находки: 1–4 – керамика; 5–9 – кость; 10–11 – цветной металл (по: [Ситников, 2015, рис. 10.-1–4; рис. 13–14])

(типа Намазга-VI) линиями развития. Важные стратиграфические наблюдения были сделаны в ходе раскопок поселения Рублево-VI летом 1999 г. Бегазы-дандыбаевская и станковая керамика была приурочена ко второму и третьему условным горизонтам. В заполнении жилища встречены в основном сосуды саргаринского типа [Кирюшин, Папин, Шамшин, 1999, с. 383]. Это позволяет утверждать, что саргаринско-алексеевский комплекс на поселении Рублево-VI сформировался несколько ранее бегазы-дандыбаевского и станкового. Станковая и бегазы-дандыбаевская керамика на

поселении Гусиная Ляга-1, очевидно, появляется в результате контактов с населением «бурлинского типа», памятники которых расположены в 3–6 км от рассматриваемого комплекса [Ситников, 2015, с. 74–83].

Саргаринско-алексеевские древности обычно относятся к концу II – 1-й четверти I тыс. до н.э. [Евдокимов 1982, с. 19; Евдокимов, Ломан 1975, с. 41; Зданович, 1975, с. 24; Ткачев, 1989; Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990, с. 117].

Часть керамики близка к материалам позднеирменской группы. Например, в выделяемых В.И. Молодиным [1985, рис. 77, 78, 79] памятниках переходного времени от бронзы к железу встречены почти идентичные сосуды. В Барабинской лесостепи наиболее близкие нам материалы зафиксированы на поселении Туриновка-4, датированном концом VIII – VI в. до н.э. [Молодин, 1985, с. 174]. Керамика сходного облика встречена и в материалах переходного времени Алтайского Приобья: Малый Гоньбинский Кордон-1, 2, Усть-Чумышская Пристань-1, Мельниково [Папин, Шамшин, 1998, рис. 9, рис. 11, рис. 14]. Некоторая схожесть прослеживается с материалами позднеирменского типа поселения Крестьянское-9, расположенного на границе Приобья и Кулундинской степи [Иванов, 1990]. На наш взгляд, поселение Гусиная Ляга-1 можно предварительно датировать IX–VIII вв. до н.э. В свете вышеизложенного, вероятно, датировка бурлинского типа памятников XIII – XI–X вв. до н.э. [Удодов, 1994, с. 13] нуждается в некоторой корректировке.

Заключение

В заключение необходимо отметить «пестрый» культурный состав населения лесостепного Алтая, что маркируется нахождением различных типов керамики на поселениях периода поздней бронзы юга Западной Сибири.

На территории лесостепного и степного Алтая ирменская керамика обнаружена на поселениях Рублево-VI, Чекановский Лог-1, Новоильинка, Жарково-1. С верховьев Алея происходит также верхняя часть ирменского сосуда, найденная у с. Советский Путь. В ходе раскопок в Центральной Кулунде двух курганов неподалеку от с. Баево в кургане №2 были обнаружены остатки гвоздевидной серьги ирменского типа [Могильников, Уманский, Шемякина, 1995, с. 67, рис. 1.-1]. Авторы раскопок данный комплекс датировали рубежом II – началом I тыс. до н.э. [Могильников, Уманский, Шемякина, 1995, с. 74].

В Восточном Казахстане на поселении Мало-Красноярка встречены фрагменты керамики, имеющие явное ирменское происхождение [Черников, 1960, табл. XLI.-17, 22, 23]. В окрестностях г. Павлодара исследовано погребение, содержавшее захоронение человека в скорченном положении на правом боку, головой на юг, с небольшим отклонением к западу. Перед лицом погребенного стоял сосуд [Пересветов, 2000, с. 79]. По мнению автора раскопок, данное погребение относится к ирменской культуре и датируется началом I тыс. до н.э. [Пересветов, 2000, с. 79].

В свою очередь, отдельные саргаринско-алексеевские находки зафиксированы в материалах ирменской культуры. В лесостепном Приобье на поселении Чингиз-1 встречено несколько сосудов, профилировка и орнаментация которых находят аналогии в материалах саргаринско-алексеевской культуры [Матвеев, 1993, с. 155, рис. 1.-2, 4]. Особенно хотелось бы остановиться на одном из слабопрофилированных горшков, орнаментированном при переходе от шейки к плечикам рядом жемчужин, а по тулову наклонно идущими оттисками ногтя [Матвеев, 1993, с. 155, рис. 1.-2] – элементе орнамента, характерном для саргаринско-алексеевской керамики.

Саргаринско-алексеевская керамика встречена на ирменских поселениях Быстровка-4 [Матвеев, 1993, с. 169, рис. 15.-12, с. 170, рис. 16.-4, 7–10, 12], Заковряшино-1 [Шамшин, Цивцина, 1999, с. 51, рис. 1.-1, 11], Милованово-3 [Сидоров, 1985, с. 66, рис. 2.-8, 10, 11, 14], Мереть [Членова, 1994, с. 149, рис. 43.-4], а также в материалах грунтового могильника Фирсово-14.

Помимо этого обнаружены отдельные металлические саргаринско-алексеевские предметы на территории расселения племен ирменской культуры [Членова, 1994, с. 17; Ситников, Фролов, 1995; и др.].

Таким образом, зафиксированы как находки ирменской керамики на памятниках саргаринско-алексеевской культуры, так и саргаринско-алексеевской – на поселениях ирменской культуры. Перечисленные выше примеры далеко не полные, однако они позволяют сделать ряд выводов.

Между племенами саргаринско-алексеевской и ирменской культур на протяжении периода поздней бронзы существовали постоянные контакты [Могильников, 1989, с. 65], которые, возможно, были обусловлены близостью двух культур, сосуществовавших в один хронологический промежуток на довольно близких территориях. Данные контакты нашли свое отражение в одном из наиболее чувствительных культурных индикаторов – керамике. На саргаринско-алексеевской орнаментальной схеме это проявилось в виде специфических ирменских элементов: косой сетки, треугольников по плечу и тулову сосудов, обращенных вершинами вниз, и, возможно, «жемчужника» и воротничков. В свою очередь, на ирменской керамике появляются элементы орнамента, в большей степени характерные для племен саргаринско-алексеевской культуры: пояски из косых крестиков, наклепные валики, наклонно свисающие оттиски гладкого штампа или наколов.

Постоянные контакты привели к сложению памятников смешанного типа, сочетавших в своих материалах саргаринско-алексеевские и ирменские черты. К таким памятникам можно отнести поселения Черноозерье-VIII [Членова, 1994, с. 118, рис. 12–13, с. 119, рис. 13.-2, 3], Большой Лог [Членова, 1994, с. 125, рис. 19.-4, 5, 8, 9, с. 123, рис. 23] и, возможно, Туруновка-4 [Членова, 1994, с. 138, рис. 32.-7, 8]. На исследуемой территории к данным комплексам относится поселение Гусиная Ляга-1, расположенное на территории Северной Кулунды.

В результате постоянных контактов на территории Обь-Иртышского междуречья формируются комплексы типа Гусиной Ляги-1, Большого Лога и ряда других памятников. Вряд ли эти комплексы сформировались ранее IX в. до н.э. [Ситников, 2013, с. 422; Ситников, 2015, с. 82–83]. Позднюю дату образования данных комплексов подтверждает прежде всего керамический материал. Обнаруженная там посуда имеет позднеирменский облик. В свое время позднеирменские памятники датировались VIII–VI вв. до н.э. [Молодин, 1985, с. 174]. Саргаринско-алексеевская посуда также характерна для позднего этапа (донгальского) данной культуры, определяемого VIII – началом VII в. до н.э. [Варфоломеев, 1987, с. 66; Ломан, 1987, с. 128].

По мнению В.А. Могильникова [1989, с. 65], в VIII в. до н.э. происходит отток ирменского населения с Верхнего Приобья в Барабинскую и Кулундинскую степи, обусловленный складывающимися неблагоприятными экологическими условиями (увлажнение климата, заболачивание почвы). Возможно, импульс движения в западном направлении ирменского населения начался несколько раньше. Эта миграция достигает территории Среднего Прииртышья, где насчитывается ряд памятников ир-

менского облика [Стефанов, Труфанов, 1988, с. 75]. В период финальной бронзы там сосуществовало уже несколько культурных групп. Саргаринско-алексеевское население было основным. Там же проживала группа черкаскульского (?) [Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990, с. 113; Федорук, 2013, с. 423], бегазы-дандыбаевского и станкового населения. На территории Кулунды фиксируется также и проникновение племен ирменской культуры.

Библиографический список

- Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда : Изд-во КарГУ, 1987. С. 56–68.
- Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // Вопросы археологии, этнографии Центрального Казахстана. Караганда : Изд-во КарГУ, 1982. С. 3–20.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Поселение Копы 1 // Вопросы археологии, этнографии Центрального Казахстана. Караганда : Изд-во КарГУ, 1982. С. 20–41.
- Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата : Наука, 1987. С. 64–94.
- Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 27 с.
- Иванов Г.Е. Поселение Крестьянское-9 – памятник финальной бронзы Степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 86–103.
- Иванов Г.Е. Два поселения эпохи поздней бронзы в степном Алтае // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 132–146.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы Степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 104–128.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Рублево VI – новое поселение эпохи поздней бронзы в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. С. 380–385.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1979. 358 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 126 с.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселения переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние поселения Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 85–109.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимидинов В.В. Взнуздавшие лошадь (стержневидные псалии Евразии конца II – начала I тыс. до н.э.: типологические и хронологические сопоставления) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2014. №7 (19). С. 85–118.
- Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1 // Древние поселения Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 71–84.
- Ситников С.М. К вопросу о происхождении и культурно-исторических контактах саргаринско-алексеевского населения // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. Алматы : ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 417–425.
- Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул : Изд-во АлтГПУ, 2015. 254 с.
- Ткачев А.А. Новые погребальные памятники поздней бронзы и средневековья Сары-Арки // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда : Изд-во КарГУ, 1989. С. 85–113.
- Удодов В.С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1988. С. 107–110.
- Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.
- Уманский А.П., Ситников С.М. Керамические комплексы поселения Новоильинка // Известия лаборатории археологии. №1. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1995. С. 46–53.

Федорук А.С. Памятники эпохи бронзы степного Обь-Иртышья: пространственно-организационный аспект // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. Алматы : ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 426–435.

Шамшин А.Б., Дуда Я.В., Изоткин С.Л., Ситников С.М., Цивцина О.А., Ченских О.А. Поселение Рублево-VI – новый памятник эпохи поздней бронзы на юге Кулунды // Михайловский район: очерки истории и культуры. Барнаул : [Б.и.], 1999. С. 29–41.

S.M. Sitnikov, Yu.I. Gel'mel'

SOME RESULTS OF THE RESEARCH INTO 'GUSINAYA LYAGA-1' SETTLEMENT

Currently in North Kulunda there are over 200 archaeological sites. Most of them are burial mounds. Quite often there are also settlements which through the work of Y.F. Kiryushin, A.P. Umansky, V.S. Udodov, D.V. Papin, A.S. Fedoruk and other researchers received thorough examination. However, these complexes are attributed to Andronovo, Sargary-Alexeevka Cultures and Monuments such as the So-Called of the Burla Type. In this regard, materials of the Irmen settlement Gusinaya Lyaga-1 are of some importance for the reconstruction of cultural and historical processes that took place in the south of Western Siberia during the Late Bronze Age. The basis of settlement is a ceramic material that is culturally divided into several groups. The first group shows utensils of the Irmen type. The second is represented by Sargary Alexeevka ceramics. For a variety of decorative features, it is very close to the late (dongalskim) materials in Kazakhstan. The third small group is comprised of Begazy Dandybay capacities. The fourth group includes easel ceramics. The fact that four groups of in the ceramics were found inside and on the bottom of the dwelling shows their simultaneous character. It is unlikely that these complexes were formed before the 9th BC. The date is primarily confirmed by ceramic material. The Discovered tableware has late Irmen character. Currently late Irmen monuments date back to the 8th – 6th centuries BC. At present Sargary-Alekseevka tableware is also characteristic of late (dongalsky) phase of the culture, dating back to the 8th – beginning of the 7th century BC.

Key words: Kulunda steppe, settlement, dwelling, cultural and historical contact, ceramics, Irmen culture, dating, chronology, inventory.

References

Varfolomeev V.V. Otnositel'naya khronologiya keramicheskikh kompleksov poseleniya Kent [Relative Chronology of Ceramic Complexes of the Kent Settlements]. Voprosy periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana [Problems of Periodization of Archaeological Monuments of Central and Northern Kazakhstan]. Karaganda : Izd-vo KarGU, 1987. Pp. 56–68.

Evdokimov V.V. Poselenie epokhi bronzy Ust'-Kenetay [Bronze Age Settlement of Ust-Kenetay]. Voprosy arkheologii, etnografii Tsentral'nogo Kazakhstana [Questions of Archaeology and Ethnography of Central Kazakhstan]. Karaganda : Izd-vo KarGU, 1982. Pp. 3–20.

Evdokimov V.V., Loman V.G. Poselenie Kopa 1 [Copa 1 Settlement]. Voprosy arkheologii, etnografii Tsentral'nogo Kazakhstana [Questions of Archaeology and Ethnography of Central Kazakhstan]. Karaganda : Izd-vo KarGU, 1982. Pp. 20–41.

Ermolaeva A.S. Pamyatniki perekhodnogo perioda ot epokhi bronzy k rannemu zheleznomu veku [Monuments of the Transition Time from the Bronze Age to the Early Iron Age]. Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopeniya Shul'binskoy GES [Archaeological Monuments in Shulbinskaya Hydro Power Station Flood Zone]. Alma-Ata : Nauka, 1987. Pp. 64–94.

Zdanovich G.B. Periodizatsiya i khronologiya pamyatnikov epokhi bronzy Petropavlovskogo Priishim'ya : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Periodization and Chronology of the Bronze Age Monuments of Petropavlovsk Priishimye: Synopsis of Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. M., 1975. 27 p.

Ivanov G.E. Poselenie Krest'yanskoe-9 – pamyatnik final'noy bronzy Stepnogo Altaya [Krestyanskoe-9 Monument of the Finale Bronze from Steppe Altai]. Problemy arkheologii i etnografii Yuzhnoy Sibiri [Problems of Archaeology and Ethnography of South Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1990. Pp. 86–103.

Ivanov G.E. Dva poseleniya epokhi pozdney bronzy v stepnom Altai [Two Settlements of the Late Bronze Age in Steppe Altai]. Kul'tura narodov Evraziyskikh stepey v drevnosti [Culture of the Peoples of the Eurasian Steppes in Antiquity]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993. Pp. 132–146.

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E., Udodov V.S. Novye materialy epokhi pozdney bronzy Stepnogo Altaya [New materials of the Late Bronze in Steppe Altai]. Problemy arkheologii i etnografii Yuzhnoy Sibiri [Problems of Archaeology and Ethnography of South Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1990. Pp. 104–128.

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Shamshin A.B. Rublevo VI – novoe poselenie epokhi pozdney bronzy v Kulundinskoy stepi [Rublyovo VI – a New Settlement in the Late Bronze Age in Kulunda Steppe]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 1999. Pp. 380–385.

Margulan A.Kh. Begazy-dandybaevskaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana [Begazy-Dandybay Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1979. 358 p.

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 126 p.

Papin D.V., Shamshin A.B. Poseleniya perekhodnogo vremeni ot epokhi bronzy k zheleznomu veku v lesostepnom Altayskom Priob'e [The Settlements of the Transition Time from the Bronze Age to the Iron Age in the Forest-Steppe Altai Ob Region]. Drevnie poseleniya Altaya [Ancient Settlements in Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 85–109.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidinov V.V. Vznuzdavshie loshad' (sterzhnevnyye psalii Evrazii kontsa II – nachala I tys. do n.e.: tipologicheskie i khronologicheskie sopostavleniya) [Those Who Put a Holter upon a Horse (Rod-End Cheek-Pieces in Eurasia of the 2nd – Beginning of the 1st Millennium BC: Typological and Chronological Comparison)]. Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii. №7 (19) [Antiquities of Siberia and Central Asia. №7 (19)]. Gorno-Altaysk : Izd-vo GAGU, 2014. Pp. 85–118.

Sitnikov S.M. Nekotorye rezul'taty issledovaniya poseleniya Sovetskiy Put'-1 [Some Results of the Research into Soviet-Way 1 Settlement]. Drevnie poseleniya Altaya [Ancient Settlements of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 71–84.

Sitnikov S.M. K voprosu o proiskhozhdenii i kul'turno-istoricheskikh kontaktakh sargarinsko-alekseevskogo naseleniya [The Origin and Cultural and Historical Contacts of Sargarinsko-Alekseevsk Population]. Begazy-dandybaevskaya kul'tura stepnoy Evrazii [Begazy Dandybay C culture of Eurasian Steppe]. Almaty : TOO NITsIA "Begazy-Tasmola", 2013. Pp. 417–425.

Sitnikov S.M. Kul'tura sargarinsko-alekseevskogo naseleniya lesostepnogo i stepnogo Altaya [The Culture of Sargarinsko-Alekseevsk Population of the Forest – Steppe and Steppe Altai]. Barnaul : Izd-vo AltGPU, 2015. 254 p.

Tkachev A.A. Novye pogrebal'nye pamyatniki pozdney bronzy i srednevekov'ya Sary-Arki [New Funerary Monuments of the Late Bronze Age and the Middle Ages Sary-Arka]. Voprosy arkheologii Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana [Questions of Archaeology of the Central and Northern Kazakhstan]. Karaganda : Izd-vo KarGU, 1989. S. 85–113.

Udodov V.S. Epokha pozdney bronzy Kulundy (k postanovke voprosa) [The Era of the Late Bronze Kulunda (to the Issue)]. Khronologiya i kul'turnaya prinadlezhnost' pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Yuzhnoy Sibiri [Chronology and Cultural Identity of the Stone and Bronze Age Monuments of South Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1988. Pp. 107–110.

Udodov V.S. Epokha razvitya i pozdney bronzy Kulundy : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The Era of Developed and Late Bronze in Kulunday: Sunopsis of Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Barnaul, 1994. 21 p.

Umanskiy A.P., Sitnikov S.M. Keramicheskie komplekсы poseleniya Novoil'inka [Ceramic Complexes of the Novoilinka Settlement]. Izvestiya laboratorii arkheologii. №1 [Proceedings of Archaeology Laboratory. №1]. Gorno-Altaysk : Izd-vo GAGU, 1995. Pp. 46–53.

Fedoruk A.S. Pamyatniki epokhi bronzy stepnogo Ob'-Irtyshe: prostranstvenno-organizatsionnyy aspekt [The Monuments of the Bronze Age Steppe Ob-Irtyshe: Spatial and Organizational Aspect]. Begazy-dandybaevskaya kul'tura stepnoy Evrazii [Begazy Dandybay Culture of Eurasian Steppe]. Almaty : TOO NITsIA "Begazy-Tasmola", 2013. Pp. 426–435.

Shamshin A.B., Duda Ya.V., Izotkin S.L., Sitnikov S.M., Tsivtsina O.A., Chenskikh O.A. Poselenie Rublevo-VI – novyy pamyatnik epokhi pozdney bronzy na yuge Kulundy [Rublevo-VI Settlement – a New Monument of the Late Bronze Age in Southern Kulunda]. Mikhaylovskiy rayon: ocherki istorii i kul'tury [Mikhailovsky District: Essays on the History and Culture]. Barnaul : [B.i.], 1999. Pp. 29–41.